

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ бы ни углублялъ самъ Барбэ д'Оревилли понятія «дэндизма», говоря, что это не только искусство завязывать галстуки, какъ бы ни старались его поклонники и толкователи сдѣлать изъ его блестящей и парадоксальной книги катехизисъ индивидуальной психологіи,—тѣмъ не менѣе эта книга о модѣ, можетъ быть о модѣ внутренней, о психологической манерѣ «завязывать галстуки», но своего рода «хорошій тонъ» скорѣе для внѣшняго поведенія и внѣшняго мышленія цѣлаго литературнаго поколѣнія. Едва ли люди не литературы знали и оцѣнили эту книгу, примѣчательную, какъ документъ и какъ удивительный фейерверкъ парадоксовъ, словечекъ и изреченій. Мы не хотимъ нисколько умалить значеніе этой

книги, говоря, что она—о модѣ, такъ какъ придаемъ послѣднему слову болѣе широкое значеніе. Mode, fashion, образъ жизни, уставъ, укладъ, — это все, что въ данный моментъ признается извѣстнымъ кругомъ общества за общепринятое, за надобное, за приличное. Всѣхъ бы поразило выраженіе: «У старообрядцевъ мода при началѣ службы дѣлать семипоклонный началъ», такъ же какъ: «По у с т а в у при сюртукѣ не полагается бѣлаго галстука», — межъ тѣмъ какъ разница вся въ томъ, что первый обычай касается церковной практики и освященъ столѣтіями, а вторая подробность относится къ туалету и освящена лишь десятками лѣтъ или даже минутой, — но сущность ихъ одинакова. Нѣсколько такихъ минутъ запечатлѣлъ въ своей книгѣ о дэндизмѣ и Барбэ д'Оревильтъ, внося много личного и отчасти творя моды, нежели ихъ документируя. Но не такъ ли поступалъ и Оскаръ Уайльдъ, часть афоризмовъ котораго нужно признать не за индивидуальныя утвержденія, а за мнѣнія современ-

наго ему кружка эстетовъ. Въ этой области, какъ и во всякой другой, конечно, единичное и коллективное творчество разнятся другъ отъ друга, но то, что сегодня мнѣніе и парадоксъ д'Оревилли или Уайльда, не можетъ ли завтра быть параграфомъ общаго устава моды! И хотя дѣндизмъ имъ понимается какъ бунтъ индивидуальнаго вкуса противъ нивелировки и тиранніи моды, не служить ли этотъ самый протестъ извѣстной модой, уже имѣвшей прецеденты въ итальянскомъ ренесансѣ, гдѣ всѣ одѣты по разному, ни одинъ человѣкъ не хочетъ быть похожимъ на другого и даже одна нога стремится разниться отъ другой цвѣтомъ?

Капризность и произвольность этой книги придаетъ ей особую остроту и привлекательность, можетъ быть нѣсколько уменьшая ея значеніе практическаго кодекса.

Какъ извѣстно, появленіе этой вещи имѣло мѣсто въ 1845 году наканунѣ перелома, совершившагося въ творествѣ Барбэ д'Оревилли, когда

IV

онъ вернулся къ католичеству и средневѣковью съ ихъ укладомъ, утварью и обстановкой, нѣсколько напоминая Рэскина и предвосхищая Гюисманса. Хотя на ряду съ католическими изслѣдованіями, онъ не оставляетъ и модныхъ хроникъ, написанныхъ истиннымъ дэнди. Его статьи, какъ его внѣшность, поведеніе, были проникнуты какимъ-то наивнымъ и трогательнымъ достоинствомъ, но мы должны признаться, что вполне понимаемъ улыбку современниковъ при видѣ этой пламенной и нѣсколько ходульной, романтически протестующей и наивной, непримиримой и дѣтски простой фигуры. Безусловно, предметъ, трактуемый въ «Дэндизмѣ», — подлинное достояніе искусства и большій, можетъ быть, нежели спортъ и военное дѣло; какая-то пятнадцатая муза (которыхъ вообще слишкомъ мало) — муза моды вдохновляла эту горячую, упрямую, можетъ быть нѣсколько смѣшную голову.

Барбэ д'Оревилли занималъ видное мѣсто въ переходной отъ романтизма (но въ прозѣ, кромѣ

жестокостей В. Гюго и Е. Сю—не болѣе ли классическаго, нежели это принято думать?) къ натурализму и снова романтическому декадентству и символизму. Этимъ переходнымъ положеніемъ объясняется недостаточное признаніе этой самой по себѣ противорѣчивой, причудливой, вызывающей и обаятельной фигуры. Но зоркій глазъ сумѣетъ примѣтить въ этой рѣдкости, ихтіозаврѣ горячее сердце, простое и наивное, подлиннаго великаго поэта.

М. Кузминъ.

L'Auteur à 20 ans.

СЕЗАРУ ДАЛИ,
редактору
«REVUE DE L'ARCHITECTURE».

Дорогой Дали!

Семнадцать лѣтъ тому назадъ я писалъ Вамъ:
«Пока Вы путешествуете, дорогой Дали, и пока
память Вашихъ друзей не знаетъ, гдѣ найти Васъ,
вотъ нѣчто (я не смѣю сказать: книга), что будетъ
дожидаться Васъ у Вашего порога. Это—статуэтка
человѣка, который и не заслуживаетъ, пожалуй,
ничего иного, кромѣ статуэтки: достопримѣчатель-
ность быта и исторіи, мѣсто которой на этажеркѣ
вашего рабочаго кабинета.

«Брэммель не принадлежитъ къ политической
исторіи Англіи. Онъ соприкоснулся съ ней по
своимъ связямъ, но не входитъ въ нее. Его мѣсто

въ исторіи болѣе высокой, болѣе общей и болѣе трудной для написанія,—въ исторіи англійскихъ нравовъ, ибо политическая исторія не захватываетъ всѣхъ общественныхъ уклоновъ, а изучаемы должны быть всѣ. Брэммель былъ выраженіемъ одного изъ этихъ уклоновъ; иначе его вліяніе было бы необъяснимо. Описать его, изслѣдовать, показать, что вліяніе Брэммеля не было поверхностно, все же могло бы быть темой для книги, которую забылъ написать Бэйль (Стендаль) и которая соблазнила бы Монтескье.

«Къ несчастью, я не Монтескье и не Бэйль, не орелъ и не рысь; но все же я старался разобраться въ томъ, на что многіе, конечно, не удостоили бы потратить объясненій. Что я увидѣлъ, я и предлагаю Вамъ, дорогой Дали. Вамъ, который чутокъ къ изящному, какъ женщина и какъ артистъ, и который отдаетъ себѣ отчетъ въ его власти, какъ мыслитель, Вамъ хочу я посвятить этотъ этюдъ о человѣкѣ, почерпнувшемъ свою славу изъ своего изящества. Если бы я написалъ этюдъ о человѣкѣ, почерпнувшемъ славу изъ силы своего ума, то и тогда я смѣло могъ бы посвятить его Вамъ, обладателю столькихъ дарованій.

«Примите же это какъ знакъ дружбы и какъ

воспоминаніе о болѣе счастливыхъ дняхъ, когда мы видѣлись чаще, чѣмъ теперь.

«Преданный вамъ

«Ж. А. Барбэ д'Оревилли.

«Пасси. вилла Beauséjour. 19 сентября 1844 г.»

Такъ вотъ, мой другъ, въ этомъ посвященіи, которому уже семнадцать лѣтъ, я не измѣню сегодня ни одного слова, и это будетъ первый случай, когда семнадцать лѣтъ протекли, ничего не измѣнивъ.

Пусть оно останется неприкосновеннымъ, какъ дружба, которой оно было выраженіемъ и которая осталась между нами неизмѣнной, безоблачной и непрерывной. Я не всегда имѣлъ такую удачу въ дружбѣ, какъ съ Вами, нетронутой временемъ колонной среди моихъ развалинъ! Семнадцать лѣтъ! Вамъ извѣстно, какъ этотъ презрѣнный Тацитъ, всегда несносный, ибо всегда правдивый, называетъ этотъ длинный рядъ дней, о которыхъ, быть можетъ, мнѣ лучше было бы умолчать, если бы съ печалью о прожитомъ, дорогой Дали, я не соединялъ, по крайней мѣрѣ, радостнаго права сказать,

что я остался къ Вамъ тѣмъ же, какимъ я былъ
вотъ уже столько лѣтъ, и, такъ какъ все въ этой
книгѣ фатовство, похвалиться моими неумираю-
щими чувствами.

Ж. А. Барбэ д'Оревильи.

Парижъ, 29 сентября 1861 г.